

≈ 37 мин

Наш коллектив продолжает работу по выработке организационных принципов коммунистической партии XXI века. Как и во многих вопросах, здесь нам приходится бороться со стремлением многих левых действовать по шаблонам из былых эпох. Великое прошлое коммунизма в минувшем веке завораживает нынешних активистов, и те полагают, что копирование тогдашней тактики, а то и простое повторение лозунгов сможет увеличить влияние коммунистов в современном обществе.

Однако это иллюзия, что отлично показали последние 30 лет. Невозможно победить, играя в политический толкиенизм вместо глубокой проработки накопленного опыта и насущных вопросов современной эпохи. Некоторые моменты, освящённые авторитетом классиков, необходимо будет в связи с этим серьёзно пересматривать. Сложность задачи не должна отпугивать: любая новая эпоха рождала прогрессивные силы, которым приходилось вступать в борьбу в том числе с отжившими своё догматиками.

Разработка принципов научного централизма вызывает нападки на Lenin Crew как со стороны демократических централистов, хранящих, как они думают, заветы Ленина, так и со стороны псевдонаучных централистов из группы «Прорыв». При всём антагонизме и те и другие пытаются тащить левых прочь от реальности — в идеализированное прошлое. Разница только в сорте фантазий: у «децистов» вместо реальных большевиков действуют новгородское вече, решающее проблемы коллективным рабоче-крестьянским разумом, у «прорывистов» — гении-одиночки, благодаря своей безошибочности и «диаматической совести» ведущие массы от победы к победе. Всё это —

идеалистические схемы, подгонка исторического опыта под благие пожелания.

Во многом подобные ошибки порождены непониманием соотношения объективного и субъективного фактора в деле создания коммунистической организации, способной завоевывать влияние среди пролетариев и одерживать победы. Кадры для такой организации не выкуются стихийно, посредством условий капиталистического бытия и в ходе пикетов, митингов и помощи экономическим забастовкам, как уповают различные акционисты. Кроме объективного базиса, необходимы и субъективные усилия каждого, кто хочет быть коммунистом, по повышению своего теоретического уровня и практических способностей в пропаганде марксизма.

С другой стороны, адепты «Прорыва» и им подобные не только отбрасывают объективный фактор, фантазируя про революции в современных Норвегии или Швейцарии, для которых не хватает только «новых Марксов и Лениных»: они и субъективный-то понимают неправильно, сводя лишь к начитанности и выдуманной «диаматической совести». На деле же мало иметь знания, надо еще иметь способность и желание использовать их на благо коммунизма, работая в коллективе, не ставя свои амбиции выше интересов общего дела. Людям же, пришедшим в коммунистическое движение, чтобы, например, иметь свою ручную секту, не помогут ни отличное знание Гегеля, ни прочтение всех томов «Капитала». Субъективный фактор необходимо включает в себя и эту этическую сторону.

В данном материале мы уточним нашу позицию по ряду вопросов, поднятых ранее в наших текстах по научному централизму. Последний из них на сегодня

— «Манифест научного централизма», в котором изложены основные принципы нашего понимания НЦ. Сразу после публикации этот материал подвергся нападкам всех наших старых и новых «заклятых друзей». Что ж, придётся отвечать.

Как мы пишем в Манифесте научного централизма, *«НЦ-организация существует в развитии. Разные времена ставят разные задачи. Мы не знаем точно, что ждёт нас в будущем, какие вызовы история бросит коммунистическому движению»*. И научный централизм — это вправду не какая-то догма или особая «философия». Это организационный принцип, рождённый, как и демократический централизм в своё время, потребностями эпохи, определённого этапа, которое проходит коммунистическое движение. Критерием истины в организационных вопросах строительства коммунистической партии XXI века, как и в остальных вопросах, будет только реальная практика. На ней и основаны изложенные далее выводы.

МАРКСИСТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ — НЕ АКАДЕМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Коммунистическое движение в России раз за разом сталкивается с проблемами, возникающими из-за непонимания современными левыми сути учения, которое они взяли защищать.

Марксизм — это наука; на его базе сформировалась коммунистическая идеология, которая на основе науки отражает объективные интересы пролетарского класса, задавая направление для практики коммунистов. Подлинные марксисты не могут пренебрегать как научной теоретической базой,

сводя свою деятельность к идеологии, так и политической практикой, становясь «академическими марксистами», которые в сущности не марксисты. *«Как в шестнадцатом столетии, так и в наше бурное время чистые теоретики в сфере общественных интересов встречаются только на стороне реакции, и именно поэтому эти господа в действительности вовсе не теоретики, а простые апологеты этой реакции»*, — эти слова Энгельса, написанные в предисловии к 3 тому «Капитала», более чем актуальны сегодня. Не менее убогую картину представляют собой и чистые практики.

Наше сообщество с самого начала своей работы (а это уже седьмой год) ведёт борьбу против детеоретизации коммунистического движения. Мы видим, что наряду с уличными крикунами, бесконечными новыми КПСС и ВКП(б) из нескольких человек и добровольными помощниками профсоюзов в России появились марксистские кружки, которые всерьёз пытаются изучать и развивать теорию. Без новой, отвечающей моменту теории все митинги и рабочие протесты так и будут бесплодны с точки зрения коренных общественных изменений. Появление таких кружков — это и наша заслуга. Тем не менее, как оказалось, есть опасность и с другой стороны: члены марксистских кружков могут начать забывать о том, что они вступили в политическую организацию.

Столкнулись с этой проблемой и мы. Некоторые сторонники начали воспринимать наш коллектив как академический журнал типа «Вопросов истории» либо «Вопросов философии», только с левым уклоном. В результате такие экс-товарищи решили, что единственным критерием для включения в руководство журнала должны быть количество и объём написанных ими статей.

И почему-то у них вызвала недоумение простая истина, что активный автор — это совсем не обязательно надёжный единомышленник. Более того, и высокое качество статей этого не гарантирует: человек, глубоко понимающий одну тему, может совершенно некорректно осмыслять другие. Среди наиболее значимых статей нашего журнала есть и написанные теми, кто впоследствии порвал с нами и даже превратился в откровенного ненавистника нашей организации.

Предложить удалиться пришлось и тем, кто вымогал места в редакции на основании наличия собственных статей, при этом не разделяя вполне наши позиции. И наоборот: вопреки их возмущениям, в редакции LC есть и будут люди, возможно, по каким-то причинам давно не пишущие, однако зарекомендовавшие себя в качестве твёрдых сторонников нашей платформы. Критерия политической лояльности в любой политической организации не может не быть: если человек не вполне разделяет программу, не является стойким сторонником основных её положений, это во многом обесценивает его независимо от количества и качества создаваемых им текстов. Практический вклад в работу организации может быть разным: это не только статьи, но и консультирование по вопросам теории, вычитка текстов, создание видео и т. д. Объём работы важен, но он лишь на втором месте: лояльность основным программным положениям важнее.

Практика показала, что несерьёзное отношение к марксистской организации, понимание её как некой тусовки литераторов-интеллектуалов немногим лучше игр в «большевистскую партию образца 1917 года», которыми увлекаются сталинистские и троцкистские реконструкторы. Это ещё один вывод, который необходимо сделать для дальнейшей работы по строительству партии научного

централизма.

ВЕДЁТ ЛИ СТРОГИЙ ОТБОР КАДРОВ К ОТЧУЖДЕНИЮ?

Один из любимых аргументов противников научного централизма состоит в том, что НЦ якобы ведёт к отчуждению от организации рядовых членов, которые активно работают, но не влияют на её политический курс. Ведь этот курс в организации научного централизма определяется исключительно руководством, состоящим из наиболее грамотных кадров и пополняющим свои ряды только путём кооптации.

Однако активность и теоретическая состоятельность вовсе не обязательно сопутствуют друг другу. В левом движении немало таких людей, кто приходит в него под воздействием эмоций отторжения капиталистического бытия. Они зачастую готовы самоотверженно работать, но далеко не всегда начинают учиться коммунизму, расти как теоретики и пропагандисты. Так и получается, что активная работа по тому или иному направлению ещё не означает хорошего теоретического уровня.

В нынешних левых организациях зачастую нет понимания этого как раз в силу вышеупомянутой детеоретизации и следующей из неё политической беспринципности. В РКРП, где долго состоял автор этих строк, приходилось наблюдать, как в руководство избирали какого-нибудь пенсионера, например, за «ударное» распространение партийной газеты. Невзирая на то, что такой активный товарищ мог иметь самые замшелые взгляды по поводу «мирового сионизма», не соответствующие даже букве программы РКРП. Все протесты,

связанные с антимарксистскими воззрениями этого человека, натыкались на ответы, смысл которых можно свести к аргументу «сперва добейся».

Можно спорить о том, насколько сильно ДЦ повлиял на крах ВКП(б)-КПСС, но насчёт источника проблем постсоветских левых у нас сомнений нет. А мы ни разу не партия власти, и нам сейчас нужно преодолевать именно эти проблемы.

Одна из главных задач научного централизма — уйти от таких позорных явлений, как бы это ни оскорбляло тех, для кого марксист — это отважный борец за счастье рабочего класса. Марксист — это прежде всего учёный-революционер, человек, владеющий наукой и умеющий её развивать и распространять. Моральные качества — честность, смелость, самоотверженность — тоже необходимы, но они бесполезны без глубокого понимания теории и задач коммунистического движения. Обратная же ситуация не столь печальна: марксистский теоретический каркас мировоззрения способен побуждать человека развиваться, соответствуя коммунизму и в моральном отношении (хотя, конечно, никакой гарантии такого развития нет).

Этика без теории — прямой путь к оппортунизму, а то и открытому предательству: наука — вещь беспощадная и может потребовать радикальных решений, которые войдут в противоречие с убеждениями этических социалистов. Грустная история российских мелкобуржуазных революционеров вековой давности, сперва боровшихся против самодержавия, а затем — против социалистической революции, является очень ярким примером этого.

Все обиды типа «почему меня не берут в руководство, я же написал столько заметок», — как правило, всего лишь свидетельство того, что человек ставит

личные амбиции выше интересов общего дела. Вот здесь как раз надо вспомнить о коммунистической морали как производной от марксистской теории. Несколько лет назад мы писали:

«Мы предвидим возражения, указывающие на то, что в такую партию, где новому человеку прямо говорится — „покажи свой идейный уровень, и только тогда будешь что-то решать“, не пойдут многие из сторонников коммунизма, которых оттолкнет „недемократичность“. Однако надо прямо сказать, что коммунистической партии не нужны люди, ставящие собственные амбиции и „обиды“ выше интересов дела борьбы за коммунизм. Каждый коммунист, если он действительно им является, обязан полностью задавить своё „эго“ и действовать в интересах коллектива на том уровне, куда его определяют. Коммунист, понимающий свою некомпетентность в важных вопросах, и сам откажется от участия в принятии решений по ним, как отказывались в прежнюю эпоху от членства в партии люди, честно боровшиеся за коммунизм, но здраво оценивающие свой идейный уровень как невысокий. Такой человек заслуживает только особого уважения и, естественно, помощи в идейно-теоретическом росте»¹

Под этим мы подпишемся и сегодня, за прошедшие шесть лет ещё больше насмотревшись на борьбу амбиций и самолюбий в левых организациях вместо выработки единой научно обоснованной позиции. Тем более, что и самому коллективу ЛС неоднократно приходилось расставаться с людьми, которые под предлогом активной работы откровенно требовали для себя руководящие посты и полномочия по решению кадровых вопросов.

Честный борец за коммунизм не будет чувствовать никакого отчуждения, работая в том статусе, который определило ему руководство. Если, конечно, он действительно поддерживает теоретическую платформу и практическую политику организации. А если он не согласен и переубедить других не получается, то уходить надо от оппортунистов, а не пытаться заниматься подковёрной борьбой и «переворотами».

Ещё раз: если человек не способен смириться с тем, что ему не дают права решающего голоса, то он либо не может совладать с собственным тщеславием, либо не желает подчиняться имеющейся генеральной линии, стремится изменить курс организации вопреки руководству. Так вот: нам не нужны неспособные контролировать себя честолюбцы, и желающие подстроить организацию под себя нам тоже не нужны. Хотите что-то поменять? Либо доказывайте свою точку зрения исследованиями — рта вам никто не затыкает, — либо создавайте свою организацию. А пустой болтовни про отчуждение не надо.

«Но ведь проблему некомпетентности членов организации можно решить и в рамках демократического централизма», — часто говорят наши оппоненты. Да, механизм демократического централизма сам по себе не отрицает возможность строгого ценза для приёма в организацию, хотя, в отличие от НЦ, и не требует такого ценза в обязательном порядке. Но по факту всё сложнее: одно дело — пройти минимальный ценз на вступление в число полноправных членов, другое — иметь по-настоящему высокий уровень подготовки (хотя бы относительно большинства). Сузить сколько-нибудь дееспособную политическую организацию до коллектива людей из второго варианта не выйдет, а значит, право голоса на

выборах руководства при ДЦ получают все, кто не совсем дурак. Было бы недальновидно ожидать достаточно квалифицированную оценку от таких людей, даже если они добросовестны. С большой вероятностью они не отфильтруют и философские уклоны, и неподходящие для управленца личные качества, и много что ещё. При этом такие вещи могут быть даже замечены, но не признаны значимыми: «Да кого волнует ильенковщина — главное, что человек работает активно!». Следовательно, угроза размывания руководства по-прежнему остаётся высокой.

В частности, такая угроза реальна сегодня, когда теоретически подготовленных коммунистов крайне мало, состоявшихся марксистских кружков исследовательского типа — тоже, все «ведущие» организации и их теоретики распространяют тот или иной вид оппортунизма. Марксистскую теорию необходимо буквально восстанавливать из руин и развивать в соответствии с сегодняшней эпохой, преодолевая как антимарксистские левые традиции (идущие и от ревизионистов в СССР, и от западного левачества), так и просто пренебрежение к теории. В этих условиях только что созданное ядро организации должно очень осторожно относиться к пополнению рядов своего руководства. Ослабление контроля плюс механизм ДЦ (выборы руководства всем коллективом и принятие решений большинством) — и всё, марксистской организации нет; приходится уходить и начинать всё с начала.

С данной и, увы, плохо осознаваемой тогда проблемой, марксисты столкнулись и после победы социалистических революций. Мы уже не раз писали об этом: как КПСС и другие коммунистические партии были размыты за счёт неграмотных людей, получивших партбилет лишь за трудовые или боевые

подвиги, как членство в партии стало методом нематериального поощрения. Естественно, сложно теперь сказать, как надо было действовать коммунистическому руководству, чтобы не только не допустить подобного, но и сохранить связь партии с широкими массами. Интересный проект такого рода приводится в одном из постсоветских исследований, посвящённых становлению социалистических государств Восточной Европы (мы приводили этот пример в работе «Троцкий, Сталин, коммунизм»):

«В политотчёте посольства СССР в Венгрии за 1948 г. отмечалось, что хотя создание ВПТ и положило конец „нездоровому росту“ обеих рабочих партий, в особенности ВКП, членская масса новой партии оказалась заражённой мелкобуржуазной идеологией, распространявшейся бывшими членами СДПВ. В этой массе „растворились“ немногочисленные коммунисты, имевшие марксистско-ленинское воспитание, поскольку ВКП до объединительного съезда не стала „подлинно большевистской партией“, а лишь „медленно развивалась в этом направлении“. Критическое отношение советской стороны вызвало и намерение венгерского руководства организационно оформить внутри ВПТ группу „активистов“ в 300—350 тыс.(!) человек, выдав им специальные удостоверения, проводя особые закрытые собрания и т. п. Эта „партийная гвардия“ должна была стать своего рода кастой, а, по советским оценкам, „привилегированной, полулегальной группой“...

Реализация подобного плана означала бы, помимо прочего, и введение в практику принципа „сортности“ партийцев. И это не ускользнуло от внимания советских наблюдателей, подметивших, что „искусственное

разделение членов партии на более преданных и менее преданных“ было заложено уже в Уставе ВПТ, официально закрепившем наличие в партии особой категории „партийных работников“. К этой категории были отнесены „наиболее преданные члены партии, работающие на любом участке партийной работы, которых на основании проводимой ими партийной работы, по предложению руководства местной партийной организации, совещание партийных работников квалифицирует как партийных работников“.К сожалению, мы не располагаем данными о том, какова была численность „партийных работников“ и оказалась ли, в действительности, реализованной и в какой мере, идея создания особой касты партийцев»² .

Наверное, что-то подобное нужно было осуществлять и большевистской партии после революции, причем ещё в 1920-е гг., в условиях коллективного руководства и сохранения возможности его критики. Естественно, вряд ли это было возможно: у наших предшественников не было того опыта краха социалистических стран, который есть у нас, они не могли увидеть многих подводных камней процесса строительства нового общества. Совершившуюся историю не переделать, однако сегодня мы должны извлечь из неё уроки, чтобы коммунистическое движение нынешнего века не повторило тех ошибок.

Реальный опыт партийного строительства диктует нам необходимость «буферизации» коммунистической партии, разделения её на слои в соответствии с теоретическим уровнем. Это должны быть никакие, естественно, не замкнутые касты: мобильность, возможность перехода из слоя в слой никуда не исчезает. Но зависеть должна эта мобильность от теоретической

грамотности, отсутствия колебаний в плане верности политической платформе организации и заслуг на уровне марксистской пропаганды.

И определять эти заслуги, отмечать достойных войти в ядро организации должны сами текущие члены ядра. Марксизм — это наука, и нет ничего неправильного в выстраивании в организации строгой иерархии, основанной на принципе компетентности.

Невозможно спорить с тем, что и само ядро может переродиться, встать на оппортунистические позиции, застыть в догматизме вместо реагирования на изменения ситуации и т. д. Что ж, тогда этих бывших марксистов ждёт крах, и долгом коммуниста станет выход из такой организации. Но наивно считать, что спасением от подобного станет широкий демократизм. Коллектив из сотни некомпетентных людей никак не исправит ошибки десяти таких же некомпетентных.

Кроме того, партия научного централизма не будет состоять лишь из двух частей: узкого слоя теоретиков и всех остальных, простых исполнителей, как почему-то кажется некоторым. Между теоретиками и техническими работниками неизбежен значительный слой пропагандистов и организационных работников. Это люди, которые в теории разбираются похуже, чем высшее руководство, и, как правило, специализируются на тех или иных разделах марксистской теории и/или партийной работы. Именно из их числа будут в первую очередь рекрутироваться новые руководители. Такие люди, помимо прочего, будут осуществлять связь между руководством и рядовыми членами, руководя работой организации на своем уровне.

Рядовые члены — основание этой иерархической пирамиды партии научного централизма. Они будут составлять большинство партии и при условии дальнейшего роста в качестве марксистов двигаться вверх. Те же, кто не имеет желаний расти над собой или недостаточно усерден, будут оставаться рядовыми и выполнять техническую работу.

Рядового члена в ПНЦ от такового в децентрализованной структуре отличают три вещи:

- его принимают в партию не на основании одного только «признания программы» и прочих формальностей, но по итогам доказательства им собственной теоретической грамотности на практике;
- его могут вовлечь в вышестоящие структуры только путём кооптации, но не избрания снизу;
- к нему предъявляется требование повышения собственного теоретического уровня путём самообразования.

Вся эта структура вовсе не означает запрета на критику и дискуссии внутри организации. Каждый её член не только имеет право, но и обязан выразить свое несогласие с деятельностью руководства, если он видит те или иные ошибки, обязан выдвигать предложения, реализация которых, по его мнению, будут способствовать успешной работе, обязан участвовать в обсуждении насущных вопросов. Наша задача — привлекать думающих людей, способных анализировать реальность с помощью диалектического материализма и отмечать недостатки как свои, как и товарищей. В марксизме, как и в науке вообще, нет безошибочных гуру: способности любого человека ограничены.

Скажем прямо: НЦ может представлять собой «диктатуру» верхушки при молчаливом одобрении низов. Но такое положение дел — крайняя мера, применение которой может быть оправдано только напряжённой обстановкой (например, нелегальным положением). Переход же к такой работе без веской причины может говорить только о том, что Центр начал ставить свою власть выше общего дела. В ЛС такого до сих пор не было и пока не предвидится.

Но возможность критиковать любого члена и руководителя партии не означает возможности решать «снизу», поднятием рук, программные и кадровые вопросы. То, что человек прошёл ценз на вступление в организацию, ещё не значит, что он достоин войти и в руководство, равно как врач, вполне искушённый в своей профессии, отнюдь не всегда ровня Боткину или Пирогову. Да и дискуссия не может быть бесконечной, особенно когда нужно быстро реагировать на те или иные события. После обмена мнениями руководство принимает решение, и несогласные либо вместе со всеми выполняют его, либо, если считают, что организация встала на путь оппортунизма, уходят из неё. А те, кто изначально полагает, что программные положения в корне неправильны, и вовсе не должны пополнять ряды подобной организации.

Именно в таком повседневном функционировании, а вовсе не в слепой вере выковывается настоящая коммунистическая партия. Костяк её, от руководства до рядового состава, должны составлять люди, сплочённые общим мировоззрением, отстаившие его в борьбе с оппонентами, в том числе и с бывшими соратниками. Поддержка человеком в повседневной практической работе политической линии организации, осуществляемой руководством, — это тоже своего рода голосование. Однако оно кардинально отличается от

поднятия руки в децентрализованном идеале. Это единомыслие не только на словах, но и на деле.

О САМОЗВАННЫХ КАНДИДАТАХ В ГЕНИИ

Было бы очень наивным считать, что научный централизм автоматически ликвидирует необоснованные амбиции у тех, кто уже попал в руководящее ядро. Примером тому служит опыт нашей работы. Человек мог быть по заслугам введён в руководство, однако в дальнейшем выяснялось, что его действия дезорганизуют работу в силу тех или иных личных качеств: неспособности долго работать в коллективе, постоянного стремления к единоличному лидерству, уверенности, что только он знает, «как надо», склонности потакать собственным желаниям вместо следования общим целям. Конечно, у всех людей, даже самых развитых, есть слабые стороны, но человек должен уметь с ними совладать — и это ещё одно измерение вопроса о компетентности.

У некоторых такая сторона — постоянный соблазн померяться силушкой и выяснить, кто тут самый-самый. Однако в коммунистическом коллективе, тем более руководящем, не должно быть никакой конкуренции: все обязаны вместе делать одно дело, помогая друг другу.

Теоретики, то есть люди, хорошо знающие марксистскую теорию и способные вносить в неё свой вклад, пусть даже скромный, практически всегда специализируются на каком-то из разделов марксизма — философии, политэкономии или истмате, да и внутри этих разделов имеют свои темы. Поэтому сравнивать их по какой-нибудь единой шкале «общей марксистскости» некорректно. Недопустимо и объявлять, что какая-то одна из сторон

марксистской теории является основной и потому люди, разбирающиеся в ней, должны автоматически иметь особые права на руководство: теоретическая грамотность, увы, не гарантирует политической. В частности, история знает достаточно грустных примеров людей с большим багажом философских знаний, ставших антимарксистами в практической деятельности. Около года назад мы писали в некрологе на смерть одного такого человека, пермского философа и члена КПРФ В. В. Орлова:

«...философы, даже самые теоретически грамотные, способны серьёзно ошибаться в своей практической работе и 100 лет назад, и 70, и сегодня. Нет механической зависимости между верными философскими взглядами и правильной политической линией. Первое лишь предпосылка для последнего, но никак не точная гарантия».

То же самое касается и всех других сфер знания. Политический оппортунизм или мелкобуржуазный индивидуализм легко могут свести на нет всю полезность человека для общего дела, а если такой попадёт в руководство, то и подавно.

Из-за этого в реальности теоретическое ядро организации состоит из людей, по-настоящему сильных лишь в отдельных областях марксистской теории, но с теми или иными пробелами в остальных, и потому они обязаны образовывать сплочённый коллектив, а решения должны приниматься ими совместно. Ведь универсальная гениальность — явление крайне редкое, и констатировать её можно лишь по итогам всей деятельности человека после ухода его из жизни, как это и было с Марксом, Энгельсом, Лениным — действительными гениями.

Если же человек публично называет себя гением либо «скромно» соглашается, когда его так зовёт кто-то другой, то с ним явно что-то не так, а значит, организация должна настороженно относиться к нему, понимая, что скорее всего такому человеку не место в коллективе.

К любой руководящей роли надо относиться как к доверию организации, которое необходимо ежедневно оправдывать, а не как к некоей собственности, которой можно распоряжаться по личному усмотрению. Вхождение в руководящий орган говорит о высокой оценке заслуг марксиста со стороны коллектива, и эту оценку должно быть трудно получить и легко аннулировать.

С этим никак не могут сочетаться, например, попытки интриговать за спинами товарищей, сколачивая неформальные группировки по принципу личной преданности, или давить на организацию, шантажируя выходом из неё и организацией раскола. Такой человек должен исключаться из организации; недопустимы никакие уступки и уговоры ради сохранения его в рядах оной.

Вернуть утраченные позиции такому изгнаннику должно быть куда труднее, чем потерять их. Человек, исключенный или добровольно вышедший³ из организации, лишается её доверия независимо от того, произошло это по причине политических разногласий или этически неприемлемого поведения. Если же данный человек позже захочет вернуться в организацию, это недоверие, естественно, не может исчезнуть сразу. Человека необходимо проверить: стал ли он единомышленником вновь? Поэтому он снова оказывается вынужден проходить все ступени иерархии, начиная со сторонника.

Одна из задач любого руководителя — создавать деловой, товарищеский

климат внутри организации. Морально-политическое единство, если использовать этот термин советской эпохи, не менее важно, чем теоретическая спаянность. Первое должно вытекать из второго, но, как и в случае с коммунистической моралью и сознательностью, автоматически этого происходить не будет. Поэтому решение спорных ситуаций путем товарищеской дискуссии или, в случае невозможности решения конфликта, доведение ситуации до раскола без замораживания на стадии «холодной войны» внутри организации — важнейшая задача руководства.

КАКАЯ ДЕМОКРАТИЯ НАМ НУЖНА?

Руководитель марксистской организации — это не менеджер и не работодатель. У нас отсутствует какая-либо материальная заинтересованность и, соответственно, связи, характерные для коммерческих отношений, когда люди беспрекословно подчиняются руководству, так как иначе потеряют материальные ресурсы. Руководители организации коммунистов должны осуществлять постоянную работу по разъяснению программы и политики сообщества для остальных участников, уметь убеждать их в своей правоте. Естественно, не всегда это будет получаться, но, когда раскол неизбежен, все должны понимать его причины и видеть, что иного выхода уже не существовало.

Заинтересованность у нас может быть исключительно идейной, связанной с тем, что каждый товарищ считает своими единомышленниками других участников сообщества. Только на этом и должна основываться общность участников коммунистической организации, а не на каких-либо личных связях или тем более меркантильных интересах. Такая ситуация предполагает

честность и с самим собой и с товарищами: высказывание критики, кого бы она ни касалась, сплочённую работу вне зависимости от личных симпатий к тому или иному человеку, а также и разрыв с организацией в случае программных расхождений с ней. Особенно это касается как раз руководителей: любые неблагоприятные действия с их стороны, нарушающие устав организации, являются ударом по ней куда большим, чем аналогичные действия рядовых членов. Аудитория организации ассоциирует её в первую очередь с руководителями, поэтому при совершении таких действий поток праведного гнева придёт не столько на их головы, сколько в адрес организации как таковой. В результате получаем репутационный вред и издержки, связанные с последующим восстановлением должного уровня репутации.

Осуществлять проверку соответствия поведения руководителей уставу и коммунистической морали — дело всех членов организации, а не только руководства. Рядовые члены не могут стихийно, «снизу», определить компетентность теоретиков, поэтому научный централизм и заменяет выборы кооптацией. Однако поведение руководителей, нарушающее нормы устава и партийной этики, — это обоснованный повод для постановки вопроса об удалении таких руководителей со стороны рядовых партийцев. Если руководство покрывает такого нарушителя, то рядовые обязаны прекратить поддержку данной организации как вставшей на путь групповщины и обслуживания самолюбия руководителей.

Руководители, сами не соответствующие званию марксиста, подменяющие принципиальность групповщиной, закономерно придут к полному краху. Более того, и теоретический уровень, и моральные качества — это еще не всё:

марксист обязан изучать конкретную ситуацию, в которой он действует, и эффективно применять науку для привлечения на сторону коммунизма передовых пролетариев, из которых готовятся кадры для организации. В дальнейшем, когда они будут подготовлены в достаточном числе, в своей практической работе организация должна будет научиться адаптировать пропаганду для широких масс. Решение задач, связанных с новым этапом, также будет невозможно без высокого теоретического качества партийного руководства в сочетании с самокритикой, коллективным решением возникающих проблем.

Противопоставление научного отбора кадров и коллегиальности управления — совершенно ложное. Руководство должно быть коллективным, однако этот коллектив может быть только высокого качества. Обладая высоким теоретическим уровнем, члены руководства обязаны не считать себя гениями, прислушиваться к критике снизу, но в то же время уметь ставить точку в дискуссиях.

На самом деле, демократический централизм, особенно при размытых критериях приёма в партию, вовсе не спасает от подавления разумной критики и установления власти «непогрешимых вождей». Именно так и случилось в ходе дискуссий в большевистской партии 1920-х — начала 1930-х гг.: все оппозиционные группы были уничтожены при поддержке сталинской команды со стороны широких партийных масс. До сих пор все ортодоксальные сталинисты размахивают, к примеру, официальными итогами дискуссии 1927 г., согласно которым, руководство партии поддержало 99 % партийцев, принявших участие в этой дискуссии, а оппозицию — менее 1 %. Эта поддержка и

позволила затем развязать репрессии против сторонников Троцкого, перешедшие со временем в безудержную клевету и почти поголовное истребление.

Таким образом, механизм демократического централизма не обеспечил сохранения свободы мнений в рамках марксизма в рядах большевистской партии. В дальнейшем, конечно, демократический централизм в ВКП(б) становился всё более формальным: поддержка курса руководства во многом формировалась сверху в условиях запрета на критику этого курса. 30 лет спустя, в новых обстоятельствах, хрущёвцы разгромили «антипартийную группу» с ещё более подавляющей поддержкой. Это также формально происходило демократическим путем: всё те же честные советские работники проголосовали за ревизионистов, исходя из собственных ненаучных представлений о коммунизме и о партийной дисциплине.

Научный централизм хочет закрыть пути для размывания коммунистической партии подобным образом. Коллектив коммунистов должен быть относительно узким, включать в себя именно марксистов, а не просто честных тружеников. Кажущаяся опасность отрыва от масс, на наш взгляд, с лихвой перекрывается ростом авторитета коммунистической партии как раз вследствие серьёзных критериев отбора. Поздняя КПСС была 20-миллионной, присутствовала на всех предприятиях и учреждениях — спасло ли это её от краха? Нет, потому что средний парбилетносец ничем не отличался в лучшую сторону от беспартийного обывателя, так же поверив в том числе и в рыночные горбачёвские сказки. Не говоря уж о том, что приём всех подряд бил по авторитету партии как авангардной организации.

Гораздо лучше этот авторитет будет поддерживаться, если в глазах масс партия будет структурой, куда однозначно закрыта дверь случайным людям, ведь свой уровень как марксиста и в интеллектуальном и в этическом аспекте здесь будет необходимо доказать на практике. Это касается как дореволюционного периода, так и, наверное, в ещё большей мере этапа строительства нового общества, борьбы капиталистических и коммунистических тенденций в рабочем государстве.

По поводу этого этапа необходимо сказать об ещё одном ключевом моменте. Важно понимать, что научный централизм — это организационный принцип именно коллектива коммунистов. Когда мы ведём речь о беспартийных массах, которыми коммунисты обязаны руководить после победы пролетарской диктатуры, отбор исключительно по научному критерию уже невозможен. Научный централизм не отрицает, а, наоборот, предполагает социалистическую демократию как один из необходимых элементов функционирования диктатуры пролетариата.

Социалистическая демократия — это демократия для рабочего класса, реально работающая, в отличие от буржуазной демократии. Буржуазная демократия действует только как механизм раздела и осуществления власти внутри буржуазного класса, тогда как для трудящихся является имитацией. Коммунистическая партия не может руководить одна, без масс. И социалистическая демократия в органах власти (в Советах или какой-то другой их форме), профсоюзах и т. д. является механизмом привлечения масс к управлению, а в перспективе — и постепенного отмирания государства, перехода к общественному самоуправлению в бесклассовом обществе.

Мы прекрасно понимаем, что взяли на себя сложную задачу, прокладывая новые пути в развитии марксизма вообще и в строительстве коммунистической партии в частности. Но иного варианта нет, и мы зовём в свои ряды лишь тех, кто разделяет наши цели, осознаёт всю сложность задач и принял твёрдое решение присоединить свои силы и способности к нашей работе.

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.

Примечания

1. В. Сарматов. Тезисы о большевистской партии XXI века. ↩
2. Т. Волокитина, Г. Мурашко, А.Носкова, Т.Покивайлова. Москва и Восточная Европа. Становление политических режимов советского типа (1949—1953): Очерки истории. М., 2002. С.106—107. ↩
3. Разумеется, здесь речь о выходе не по личным обстоятельствам, а по причинам политического или идейного характера. ↩